

Евгений ЛУКИН

ЗАПАД ПРОТИВ ВОСТОКА ИЛИ СВОБОДА ПРОТИВ ТИРАНИИ?

К 2500-летию Саламинской битвы

Два с половиной тысячелетия назад на земле совершилось событие, которое поистине имело всемирно-историческое значение. В 480 году до Р. Х. произошла знаменитая битва при Саламине, в которой небольшая флотилия греческих кораблей наголову разгромила огромный персидский флот. Это знаменовало решительную победу скромного сообщества греческих полисов над могущественной восточной державой. Первый масштабный военный конфликт между Западом и Востоком, каким стала Саламинская битва, имел судьбоносное значение для развития европейской цивилизации.

Хронология событий была такова. Весной 480 года до Р. Х. большое персидское войско, переправившись по понтонному мосту через Геллеспонт, вторглось на Греческую землю. Поход возглавил лично персидский царь Ксеркс. По некоторым подсчетам, под его началом находилось около 250 тысяч воинов, набранных от разных подвластных племен и народностей — персы, ассирийцы, арабы, фракийцы, финикийцы, инды и прочие. Войско Ксеркса сопровождала мощная морская армада. Целью похода было покорение Эллады.

На защиту родины греческие полисы отправили союзный отряд, насчитывавший семь тысяч гоплитов, во главе со спартанским царем Леонидом. Отряд расположился в узком Фермопильском ущелье. Со стороны моря отважных бойцов поддерживал афинский флот. Персидское войско, подойдя к ущелью, неоднократно пыталось атаковать греков. После нескольких безуспешных попыток персы нашли местного жителя, который показал им тайную горную тропу в тыл противника. Узнав об этом, царь Леонид приказал союзному отряду отступить, а сам с 300 спартанцами остался защищать занятый рубеж. Храбрецы пали в неравном бою, стяжав бессмертную славу.

Одновременно около мыса Артемисий, что на северной оконечности острова Эвбея, состоялось морское сражение между персидскими и греческими флотами. Несмотря на численное превосходство, персы не сумели одержать верх. Однако, получив весть об отступлении союзного отряда из Фермопил, греческое командование распорядилось покинуть мыс Артемисий и перебраться в Саронический залив к острову Саламин. Путь на Афины и Пелопоннес для персидского войска был открыт.

В Афинах на народном собрании огласили предсказания из Дельф, где находилось общегреческое святилище. Дельфийский оракул пророчил гибель города и призывал

Евгений Валентинович Лукин — поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился в 1956 году. Окончил исторический факультет ЛГПИ имени А. И. Герцена. Работал учителем и журналистом, проходил военную службу. Автор тридцати пяти книг прозы и поэзии. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и России. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Санкт-Петербурге.

спасаться бегством. Афинский полководец Фемистокл, толкуя мрачное пророчество, сумел переубедить запаниковавших горожан. Он предложил оставить Афины без защиты, всех граждан, способных держать оружие, призвать во флот, а остальное население эвакуировать в город Трезен. Его замысел состоял в том, чтобы навязать персам морское сражение в узком проливе между Аттикой и островом Саламин, где маневренные греческие триремы показали бы свои преимущества перед большими персидскими кораблями.

Вскоре персы взяли Афины и сожгли город, перебив тех, кто остался в нем на милость победителя. Огромное персидское войско появилось на аттическом берегу, а бесчисленный флот подошел к Фалерской гавани. Увидев это, начальник греческого флота спартаец Еврибиад хотел сняться с якоря и отступить к Коринфскому перешейку, где сосредотачивалось союзное войско греков. Будучи несогласным с этим решением, Фемистокл отважился на небывалую хитрость. Он отправил своего доверенного раба к персидскому царю с тайным посланием, что переходит на сторону Ксеркса и советует ему немедленно напасть и уничтожить морские силы эллинов, которые и так уже хотят бежать. Персидский царь прислушался к совету внезапно возникшего союзника.

28 сентября 480 года до Р. Х. началось Саламинское морское сражение. По данным Эсхила, против 1207 персидских кораблей выступило 310 греческих трирем. Однако в узком проливе неприятельский флот не мог использовать численное превосходство. Большие персидские суда, утратив управление, сбились в кучу. Маневренные триремы греков нападали на них, брали на бордаж и топили с помощью таранов. Персидские моряки, пытавшиеся выбраться на спасительный берег, были перебиты греческими воинами. Морское сражение закончилось сокрушительным разгромом завоевателя.

Персидский царь пребывал в смятении. Помимо поражения флота, которое он воочию наблюдал с горы Эгалео, ему доложили о намерении греков разрушить понтонный мост через Геллеспонт и тем самым преградить персидскому войску путь обратно домой. Эта весть, также подброшенная Фемистоклом через доверенного раба, подвигла Ксеркса поспешно покинуть пределы Европы.

Победа союза тридцати греческих полисов над самой могущественной державой мира произвела неизгладимое впечатление на современников. В честь Саламинского торжества греки посвятили Дельфам колоссальную статую Аполлона, держащего в руке нос триремы. Захваченные финикийские корабли были принесены в жертву греческим богам Аяксу, Посейдону и Афине. На распределении наград между военачальниками первый приз был оспорен каждым из них, зато второй почти единодушно присужден Фемистоклу. Так же единодушно его чествовали греки на ближайших Олимпийских играх. Это свидетельствовало о том, что современники осознавали как выдающуюся роль Фемистокла в происшедшем сражении, так и значение Саламинской победы, которая на долгое время определила судьбу участвовавших в ней народов.

Философскую оценку битве при Саламине дал выдающийся немецкий мыслитель Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831): «Здесь лежали на весах интересы всемирной истории. Здесь боролись друг с другом восточный деспотизм, т. е. мир, объединенный под властью одного властителя, и, с другой стороны, разделенные государства, объем и средства которых были невелики, но которые были одушевляемы свободной индивидуальностью. Никогда в истории не проявлялось с таким блеском превосходство духовной силы над массой, и притом над такой массой, к которой нельзя относиться с пренебрежением. Эта война и затем развитие важнейших государств после этой войны составляют наиболее блестящий период греческой истории: все то, что содержалось в греческом принципе, тогда совершенно развернулось и проявилось». Таким образом, Гегель объяснил причину необыкновенного военного успеха Эллады в неоспоримом

превосходстве свободной индивидуальности, реализуемой в условиях независимости, над темной могучей массой, подавляемой деспотичным властителем.

Такая политическая трактовка Саламинской победы в дальнейшем стала преобладающей. Ее использовали всякий раз, когда было необходимо доказать абсолютную эффективность демократического правления перед самодержавным владычеством. При этом обязательно ссылались на авторитет древнегреческих ученых мужей, толкуя их произведения в необходимом свете. Например, идейный сторонник русской революционной демократии и украинского национализма, переводчик античной классики Федор Мищенко (1847–1906) в статье, предваряющей публикацию его перевода «Истории» Геродота, указывал на победоносную роль демократии в греко-персидских войнах: «Если не основанием, то во всяком случае самым убедительным оправданием такого предпочтения народного самоуправления перед деспотизмом было для Геродота позорное поражение персов и победное торжество Эллады, в особенности афинской демократии».

В духе гегелевской концепции торжества «свободной индивидуальности» трактует Саламинскую победу и современный российский ученый Евгений Жаринов (род. 1954): «Битва при Саламине представляла собой нечто большее, нежели просто сражение. То был кульминационный момент противостояния между Востоком и Западом, во многом определивший магистральные пути дальнейшего развития человечества. Попытка сдержать распространение эллинистического индивидуализма была предпринята под главенством персов. Они несли и насаждали систему представлений и ценностей, общую для всех централизованных деспотий восточного Средиземноморья. Недаром Виктор Дэвис Хансон отмечает, что в языках прочих средиземноморских народов аналогов греческим словам „свобода“ и „гражданин“ просто-напросто не существовало».

Преподаватель Московского педагогического университета не случайно ссылается на известного американского историка. В своих трудах профессор Стэндфордского университета Виктор Дэвис Хансон (род. 1953) всячески развивает упомянутую гегелевскую концепцию. По его мнению, Саламин «навсегда сделал европейскую цивилизацию тяготеющей к политической свободе и экономическому либерализму. И что бы ни говорилось о достоинствах и недостатках современной цивилизации Запада, но тенденции к укреплению демократии, всемерному расширению прав и в то же время к дальнейшему ослаблению гражданской ответственности реализуются в рамках мобильной, динамичной традиции, обязанной своим существованием давней сентябрьской победе Фемистокла. В конце сентября 480 года Фемистокл и афинские бедняки не только спасли от персов Грецию и нарождавшуюся западную цивилизацию, но и определили будущее того свободолюбивого, изменчивого и беспокойного общества, основные черты которого узнаваемы и по сей день». Иными словами, Саламинская победа — это очевидное торжество демократии над тиранией, победа сил добра над силами зла, которая привела к формированию основ свободного западного мира и расцвету культуры.

Между тем эта грубая идеологическая схема едва ли соответствует исторической действительности. В такой схеме преднамеренно смешиваются политические и национальные (народные, родовые) начала, под понятием «свобода» понимается исключительно «демократия» и так далее. Точно так же в годы Великой Отечественной войны коммунистическая пропаганда производила подобную диффузию, формулируя девиз для сражающихся советских воинов: «За Родину! За Сталина!»

Благодаря подобной философии истории утверждается не только абсолютный приоритет демократических ценностей над остальными, но и необходимость их глобального распространения, в том числе и путем военной агрессии. Тот же Виктор Дэвис Хансон, поддерживая американских ястребов, призывал идти на войну с Ираком «тяжело, долго, без чувства вины, извинений или отсрочки, пока наших врагов больше не станет».

В контексте иракской войны он утверждал, что «реальный вопрос состоит в том, будут ли Соединенные Штаты, как и действительно любая западная демократия, все еще обладать моральной ясностью, чтобы определить зло как зло, а затем безраздельно использовать все доступные ресурсы для борьбы с ним до полного искоренения».

При таком агрессивном подходе и произведения классического искусства легко подвернутся модернизации в духе западного «беспокойного и изменчивого» мышления. Так, в 1993 году знаменитый американский режиссер Питер Селларс (род. 1957) поставил на эдинбургских подмостках трагедию Эсхила «Персы». Он надел на персидского царя Ксеркса черный берет иракского диктатора Саддама Хусейна, облачил древнегреческих гоплитов в американскую униформу. Звон железных копий он сравнил с артиллерийской канонадой в ходе военной операции 1991 года по освобождению Кувейта, а солиста древнегреческого хора — с корреспондентом телеканала CNN, ведущим репортаж из печального Багдада: «Азия больше не будет жить по персидской указке».

Профессор Казанского университета Эдуард Рунг (род. 1972) отмечает, что «современные оценки греко-персидских войн имеют долгую традицию и в конечном итоге восходят к оценкам их современниками». Уже тогда древнегреческие писатели и поэты рассматривали этот грандиозный военный конфликт как «извечное» столкновение между Грецией (Европой) и Персией (Азией) и рассматривали его как борьбу за свободу против персидского порабощения: ведь в случае поражения и пленения каждый эллин становился рабом. Именно такая борьба за личную свободу, а значит, и за свободу своего полиса мотивировала участников греко-персидских войн с эллинской стороны.

Об этом свидетельствует и непосредственный участник Саламинского сражения — великий драматург Эсхил (525—456 до Р. Х.), который посвятил битве при Саламине трагедию «Персы». Он первым представил греко-персидские войны как результат столкновения Востока и Запада: «земля Азии выступила против страны Эллады» — и указал на истинные намерения персов при вторжении на Греческую землю: «наложить рабское ярмо на Элладу». В его трагедии не было ни слова о демократии и тирании, зато был протест против рабства. Современники Эсхила, видевшие постановку трагедии в 472 году до Р. Х., еще помнили пламенный пеан греков, призывавший сражаться за свободу и отечество: «О, сыны эллинов! Идите, освободите родину, освободите детей, жен, богов отеческих храмы, могилы предков — бой идет теперь за все!» Защита своей земли, своего очага, своей семьи, своего народа — вот истинный императив, которым руководствовались греки в борьбе с вражеским нашествием.

Другой современник Саламинского сражения великий историк Геродот (484—425 до Р. Х.) видел во всех политических системах достоинства и недостатки. Он излагал свои взгляды, пользуясь приемами диалога, когда сторонникам тех или иных идей предоставлялась трибуна. Ярким примером такого подхода являлся изложенный «отцом истории» диспут трех персидских вельмож Отана, Мегабиза и Дария о том, какую политическую систему предпочтительнее вводить в государстве — демократию, олигархию или монархию. Как ни странно, в жарком споре победил сторонник монархии Дарий, отец злополучного Ксеркса. Ученые почти единодушно полагают, что персидские вельможи не могли вести такие дебаты: все эти рассуждения были вымыслом Геродота, образчиком его политической мысли. Можно задать риторический вопрос: если согласиться с Федором Мищенко и считать «отца истории» горячим поклонником демократии, то что помешало ему присудить победу в диспуте не монархисту Дарию, а демократу Отану? Только одно: Геродот сомневался в демократии как идеальной форме правления. Он говорил, что «многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного», приводя пример с милетским послом, которому удалось провести тридцать тысяч афинян, но не удалось обмануть одного лакедемонянина. Утверждение же Геродота,

что «нет ничего безрассуднее и разнузданнее негодной черни», невольно отсылает нас к словам поэта Александра Пушкина о русском бунте, бессмысленном и беспощадном.

Политическое мышление Геродота было универсальным. Это не значит, что у него не имелось предпочтений. Свобода и закон — вот два столпа, на которых зиждилось его мировоззрение. Свобода в представлении «отца истории» являлась внешней жизненной сферой, в которой существуют независимые греческие полисы, а закон являлся тем порядком, что определяет внутреннюю деятельность этих полисов. Спартанец Демарат заявлял царю Ксерксу, что греки «свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка — это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя». Именно за эту внешнюю свободу (суверенитет) сражались союзные отряды Эллады во время греко-персидских войн. Политическое устройство греческих полисов, будь оно демократическое или тираническое, в данном случае не имело значения.

Таким образом, причина Саламинской победы таилась вовсе не в превосходстве демократии над тиранией, а в едином патриотическом порыве эллинов, которых сумел сплотить блестящий афинский полководец Фемистокл. «Так, острый ум одного человека освободил Грецию, и Европа одолела Азию, — писал о нем древнеримский историк Корнелий Непот. — Была одержана еще одна победа, достойная марафонского трофея: ведь при Саламине произошло то же самое — малочисленные корабли разгромили самый большой на памяти человеческой флот». Великолепное владение тактическим и стратегическим мастерством, а также искусством дезинформации отличали Фемистокла от других военачальников, которые не обладали исключительной способностью быстро принимать решения в непредвиденных обстоятельствах. По мнению древнегреческого историка Фукидида, «это был человек, которому его гений и быстрота соображения сразу же подсказывали наилучший образ действий».

По сути, Фемистокл является символом той самой «свободной индивидуальности», которая, по мысли Гегеля, продемонстрировала превосходство духовной силы над темной массой, торжество демократии над тиранией. Между тем показательна дальнейшая судьба афинского полководца. Несмотря на особые заслуги перед Афинами и Элладой, афиняне после одержанной победы подвергли его остракизму и изгнанию. По словам Плутарха, «народ изгнал его остракизмом из желания уменьшить его влияние и силу. Этому подвергались все, чье значение казалось опасным и нарушающим демократическое равенство. Остракизм не был наказанием — он служил лишь удовлетворением чувству зависти и утешением для тех, кому приятно унижение влиятельных личностей и возможность вымещать на них свою злобу, оскорбляя их». Подобная «благодарность» была характерна для многих демократических сообществ. Напомним, что новгородское вече изгнало князя Александра Ярославича Невского после его победы над шведским войском на берегах Невы. Причина оказалась такой же — опасность усиления, говоря современным языком, бонапартистских тенденций.

Последующая история «спасителя Эллады» изобиловала поразительными метаморфозами. Преследуемый афинянами и спартанцами, которые пригрозили ему смертной казнью за предполагаемую измену, он бежал в Азию, где явился к своему давнему врагу — персидскому царю Ксерксу, обещавшему за его голову огромное вознаграждение. Ошеломленный царь, видя перед собой расprostертого ниц противника, проявил подлинное превосходство духовной силы — простил ему поражение при Саламине и пожаловал в управление три города. Стремясь проверить преданность нового подданного, Ксеркс предложил Фемистоклу возглавить новое вторжение в Грецию, но храбрый полководец решительно отказался выполнить царское пожелание, заявив, что никогда не поднимет меч на родину. Не видя перед собой иного выхода, он попытался принять яд. Этот поступок еще более возвысил афинского героя в глазах самодержца, и тот отменил поход на Элладу. Фемистокл был осыпан царскими милостями.

Разумеется, сюжет о необыкновенном великодушии персидского царя Ксеркса стал особенно популярным в эпоху просвещенного абсолютизма XVIII—XIX веков, поскольку соответствовал распространенным тогда патерналистским представлениям об идеальном монархе — строгом и заботливом отце своего народа, который не только действует по закону, карая злоумышленников, но и проявляет «милость к падшим». По мотивам исторического сюжета выдающийся итальянский либреттист Пьетро Метастазιο (1698—1782) написал трагедию «Фемистокл». На ее основе итальянский композитор Андреа Бернаскони (1706—1784) сочинил оперу, имевшую колоссальный успех в театрах Европы. Впоследствии поэт Гавриил Державин (1743—1816) переложил текст либретто на русский язык. Созданная им опера «Фемистокл» соответствовала его искренним монархическим убеждениям. Образ всесильного персидского царя перекликался в его стихах с изображением богоподобной императрицы Екатерины Великой:

И зрел бы я ее на троне
Седящу в утварях царей:
В порфире, бармах и короне,
И взглядом вдруг одним очей
Объемлющу моря и сушу.

Взор, объемлющий моря и сушу, замыкающий в себе целый мир, — таков философский смысл единой державы, философский смысл власти как земной, так и небесной. Этот выразительный символ всевидящего ока известен с древних времен и присутствует практически во всех мифологиях — от египетской и древнегреческой до буддистской и христианской. Неудивительно, что точно таким же взором обладал в глазах подданных и властитель Азии. Выдающийся древнегреческий поэт Тимофей Милетский (ок. 450—360 до Р. Х.) в своей поэме «Персы», посвященной битве при Саламине, вложил в уста персидского воина необычную угрозу. Тонувший в море воин грозил морскому богу Посейдону тем, что его повелитель персидский царь Ксеркс обязательно расправится с ним за гибель войска в эгейских волнах — замкнет во взор бушующее море:

Настанет время — он придет
И соснами азийских гор
Взволнует воды, а простор
Во взор блуждающий замкнет.

Перевод Е. В. Лукина

Тимофей Милетский считался поэтом-новатором. «Если бы мы не имели Тимофея, — говорил Аристотель, — то в нашей лирической поэзии был бы большой пробел». С похвалой отзывался о нем Платон, и даже суровые дорийцы признавали красоту его песен. Однако удивительные новации поэта вызвали и порицания. Выступая на Элевсинских мистериях, Тимофей дерзнул приладить к семиструнной кифаре еще четыре струны, и возмущенные спартанские цари приказали изгнать его из города, чтобы «каждый, видя суровый порядок города, воздержался вносить в Спарту что-либо непотребное». На эти нападки поэт с вызовом отвечал: «Старых песен я не пою — мои молодые сильнее!»

От обширного творческого наследия Тимофея до нас дошел только отрывок поэмы «Персы», воспевавшей победу эллинов в Саламинской битве. Завершая свой шедевр, поэт пожелал Афинам «цветущего обилия и мира благозакония», что перекликалось с представлением Геродота о свободе и законе как основных категориях афинского бытия.

Саламинская победа обусловила свободное существование Греции в течение двух тысячелетий. Лишь в середине XV века османский султан Магомет Завоеватель покорил многочисленные греческие княжества. Османское иго продолжалось почти три столетия. На рубеже XVIII—XIX столетий в Греции вспыхнуло освободительное движение за независимость, на знамени которого было начертано имя Фемистокла. Выдающийся греческий поэт Ригас Фереос (1757—1798), призывая сограждан к вооруженному восстанию против чужеземного гнета, обращался к славному прошлому Эллады: «Есть добродетель — любить отечество, родившее великого мужа Фемистокла, которому удивлялся весь мир, север и юг. Будем подражать ему в добродетели и мужестве, славном и похвальном».

Символично, что в тот же год, когда был казнен Ригас Фереос, Греческая земля родила нового певца свободы — талантливого поэта Дионисиоса Соломоса (1798—1857), который стал автором прекрасной поэмы «Гимн свободе»:

Я узнаю твой меч чудесный
В сиянье греческих побед.
Я узнаю твой взор небесный,
Объемлющий весь белый свет.

О, вышедшая из-под свода
Святых отеческих гробов,
Ликуй, отважная свобода —
Эллады верная любовь.

Перевод Е. В. Лукина

Все тот же взор, замыкающий в себе целый мир, озарил стихи поэта, только теперь он принадлежал не восточному деспоту, а отважной свободе — верной любви Эллады. Таким образом, этот всеохватный взор на самом деле олицетворял собою независимую власть, которая могла иметь различные политические свойства. Не случайно после создания суверенного греческого государства в 1865 году первые два четверостишия поэмы Дионисиоса Соломоса стали национальным гимном Греции.

* * *

Греко-персидские войны явились переломным моментом в истории Эллады. Три десятка греческих полисов, зачастую враждовавших между собой, сумели объединиться перед лицом врага, выдержать нашествие могущественной Персидской державы и отстоять свою независимость. В этой борьбе они опирались на идею общеэллинского единства, основанного на общности языка и веры, культуры и образа жизни. В этой борьбе они защищали не политические системы, которые отличались от полиса к полису, а свои отчие земли, свои дома, свои семьи — все то, что подразумевает понятие «родина». Их вел на священную битву выдающийся патриот Эллады — афинский полководец Фемистокл, обладавший не только блестящими способностями стратега и тактика, но и неколебимой волей к победе.

Греческий народ сохранил память о великих героях и славных победах. Эта память впоследствии помогла ему низвергнуть иноземное иго и вернуть независимость своей отчизне. Современный национальный флаг Греции насчитывает девять сине-белых полос, что соответствует девяти буквам греческого слова «свобода».